

ИНСТИТУТЫ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРИЧИНА ДОЛГОСРОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА*

Дарон Асемоглу, Саймон Джонсон, Джеймс Робинсон**

Резюме

В данной работе представлена эмпирическая и теоретическая аргументация в пользу того, что различия экономических институтов являются фундаментальной причиной различий в уровне экономического развития. Вначале мы приводим эмпирические доказательства значения институтов на примере двух «квазиестественных исторических экспериментов» – разделения Кореи на две части с весьма различными экономическими институтами и колонизации большей части мира европейскими странами, начавшейся в XV столетии. Затем мы излагаем основные положения теоретического подхода к рассмотрению вопроса, почему экономические институты различаются по странам. Экономические институты определяют стимулы и ограничения экономических субъектов, а также результаты функционирования экономики. Как таковые, институты представляют собой решение общества, принятое с учетом их значения. Поскольку различные группы и индивиды, как правило, получают выигрыш от разных экономических институтов, обычно данный общественный выбор сопровождается конфликтом интересов, который, в конечном счете, разрешается в пользу групп, обладающих большей политической властью. В свою очередь, объем политической власти в обществе зависит от политических институтов и распределения ресурсов. Политические институты определяют объем политической власти *de jure*, тогда как группы, обладающие большими экономическими ресурсами, могут, как правило, иметь большую политическую власть *de facto*. По этой причине мы рассматриваем соответствующие теоретические рамки как динамические, где политические институты и распределение ресурсов являются базовыми переменными. Данные переменные также изменяются со временем, поскольку существующие экономические институты воздействуют на распределение ресурсов, а группы, обладающие сегодня политической властью *de facto*, стремятся изменить политические институты с тем, чтобы расширить свою политическую власть *de jure* в будущем. Экономические институты способствуют экономическому росту, когда политические институты предоставляют власть группам, заинтересованным в широкомасштабной защите прав собственности, вводят эффективные ограничения индивидов, обладающих властью, и когда возможности извлечения ренты властью имущими относительно невелики. Мы иллюстрируем

* Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J. (2005) Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth, P. Aghion, S.N. Durlauf (eds), *Handbook of Economic Growth*, Vol. 1A, New York, Elsevier, 385–472.

© Acemoglu, Johnson, and Robinson, 2005; © Elsevier, 2005

** Дарон Асемоглу – профессор Массачусетского технологического института (г. Кембридж, США), e-mail: daron@mit.edu; Саймон Джонсон – профессор Массачусетского технологического института, e-mail: sjohnson@mit.edu; Джеймс Робинсон – профессор Калифорнийского университета (г. Беркли, США), e-mail: jamesar@socrates.berkeley.edu.

предпосылки, смысл и способ применения нашего теоретического подхода на примере ряда исторических событий.

Классификация JEL: N11, N13, N15, N16, N17, O10, P10, P17

Ключевые слова: экономические институты, политические институты, политическая власть, распределение ресурсов, функционирование экономики

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Вопрос

Самый избитый, но, тем не менее, важный вопрос, касающийся экономического роста и развития, заключается в следующем: почему одни страны гораздо беднее других? Традиционные неоклассические модели экономического роста, представленные в работах Solow (1956), Cass (1965) и Коорманс (1965), объясняют различия в уровне доходов на душу населения различными темпами накопления факторов производства. Согласно этим моделям, межстрановые различия в накоплении факторов производства обусловлены или различиями в уровне сбережений (Солоу) и предпочтений (Касс, Купманс), или другими экзогенными параметрами, таким как, например, темпы роста совокупной производительности факторов производства. Более недавние версии теории экономического роста, в основе которых лежат работы Romer (1986) и Lucas (1988), рассматривают устойчивые темпы экономического роста и технический прогресс в качестве эндогенной величины, однако даваемое ими объяснение различий в уровне доходов аналогично более ранним теориям. Например, в модели Ромера одна страна может быть более богатой, чем другая, если в ней больше ресурсов направляется в инновационную сферу, но определяется это, по сути, предпочтениями и свойствами технологии генерировать «идеи» (Romer (1990)).¹

Данная традиция позволила многое понять в отношении движущих сил экономического роста, и она по-прежнему занимает видное место в экономической теории. Однако, по всей видимости, она уже давно не может дать *фундаментального* объяснения экономического роста. Как заметили Норт и Томас, «факторы, которые мы перечислили (инновации, экономия на масштабе, образование, накопление капитала и т.д.), не являются причинами экономического роста; они и *есть* экономический рост» (курсив – в оригинале) (North, Thomas (1973), 2). Накопление факторов производства и инновации – лишь *непосредственные* причины экономического роста. С точки зрения Норта и Томаса, фундаменталь-

---

¹ Несмотря на то что в некоторых современных работах по теории экономического роста подчеркивается значение экономической политики в области налогообложения, субсидирования исследований, устранения барьеров, препятствующих внедрению новых технологий, стимулирования инвестиций в человеческий капитал, в них, как правило, не объясняется, почему подобная политика отличается по странам.

ным объяснением относительного экономического роста служат различия *институтов*.

Что же собой представляют институты? Норт предлагает следующее определение: «институты – это правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничения, определяющие взаимоотношения между людьми» (North (1990), 3). Далее он акцентирует внимание на значении институтов, поскольку «они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике».

Ключевое значение для результатов функционирования экономики имеют *экономические институты* общества, такие как структура прав собственности, а также наличие и степень совершенства рынков. Экономические институты имеют важное значение, поскольку они влияют на структуру экономических стимулов в обществе. Без прав собственности у индивидов не будет стимулов осуществлять инвестиции в физический или человеческий капитал или внедрять более эффективные технологии. Кроме того, экономические институты имеют важное значение потому, что направляют ресурсы туда, где они будут использованы наиболее эффективным способом, определяют, кто получает прибыль, доход и, в конечном счете, контролирует ситуацию. Когда рынки отсутствуют или не принимаются во внимание (как это было, например, в Советском Союзе), выгоды от торговли остаются нереализованными, а ресурсы распределяются неэффективно. Общества, в которых экономические институты способствуют накоплению факторов производства, инновациям и эффективному распределению ресурсов, будут процветать.

Главной идеей данной работы и многих политэкономических исследований институтов является то, что экономические институты и институты в целом являются *эндогенными*; они, по крайней мере частично, определяются обществом или каким-либо его сегментом. Следовательно, вопрос о том, почему одни страны гораздо беднее других, тесно связан с вопросом, почему в одних странах «экономические институты гораздо хуже», чем в других.

Несмотря на то что многие ученые, в том числе Джон Локк, Адам Смит, Джон Стюарт Милль, Дуглас Норт и Роберт Томас, подчеркивали роль экономических институтов, мы по-прежнему далеки от того, чтобы иметь плодотворный теоретический подход, позволяющий рассуждать о том, каким образом возникают экономические институты и почему они различаются по странам. Иначе говоря, хотя у нас есть основания полагать, что экономические институты имеют значение для экономического роста, мы не располагаем ключевыми результатами анализа *сравнительной статистики*, которые позволят объяснить, почему равновесные экономические институты различаются между собой (вероятно, это является одной из причин того, почему в значительной части экономической литературы внимание акцентировалось на непосредственных причинах экономического роста и в целом игнорировались фундаментальные институциональные причины).

Данная работа преследует три цели. Во-первых, мы выборочно рассматриваем факты, свидетельствующие о том, что различия экономических институтов являются фундаментальной причиной межстрановых различий в уровне благосостояния. Во-вторых, мы приводим основные положения теоретического подхода к рассмотрению вопроса, почему экономические институты различаются по странам. Мы акцентируем внимание на возможных результатах анализа сравнительной статистики в рамках данного подхода и, кроме того, демонстрируем основные механизмы воздействия институтов на примере ряда исторических событий и конкретных ситуаций. И, наконец, мы выделяем большое количество областей, где будущие теоретические и эмпирические исследования были бы весьма плодотворны.

1.2. Аргументация

Основная аргументация данной работы может быть представлена следующим образом.

1. Экономические институты имеют значение для экономического роста, поскольку они определяют стимулы основных экономических субъектов в обществе, в частности они влияют на инвестиции в физический и человеческий капитал, технологию и организацию производства. Хотя культурные и географические факторы также могут иметь значение для функционирования экономики, основным источником межстрановых различий в темпах экономического роста и уровне благосостояния являются все же различия экономических институтов. Экономические институты определяют не только потенциал экономического роста страны, но и ряд экономических особенностей, в том числе распределение ресурсов в будущем (то есть распределение богатства, физического или человеческого капитала). Иначе говоря, они влияют не только на размер общего пирога, но и на то, каким образом данный пирог делится между различными группами и индивидами в обществе. Указанные идеи можно схематически изобразить следующим образом (где индекс t указывает на текущий период, а $t + 1$ – на будущий):

$$\text{экономические институты}_t \Rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{функционирование экономики,} \\ \text{распределение ресурсов}_{t+1}. \end{array} \right.$$

2. Экономические институты имеют эндогенный характер. Они являются результатом коллективного выбора общества, обусловленного главным образом их экономическим значением. Однако нет никакой гарантии, что все индивиды и группы будут предпочитать один и тот же набор экономических институтов, поскольку, как было отмечено выше, разные экономические институты ведут к различному распределению ресурсов. Следовательно, как правило, будет существовать *конфликт интересов* разных групп и индивидов относительно выбора экономических институтов. Так как же определяются равновесные экономические институты? Если,

например, существуют две группы, имеющие противоположные предпочтения относительно набора экономических институтов, предпочтения какой группы будут преобладать? Ответ зависит от того, какой *политической властью* обладают эти группы. При осуществлении выбора эффективность одного набора экономических институтов по сравнению с другим имеет некоторое значение, однако конечный результат определяется объемом политической власти. Какая бы группа ни обладала большей политической властью, очевидно, что она будет защищать предпочтительный для нее набор экономических институтов. Исходя из этого, мы получаем второй элемент нашего теоретического подхода:

политическая власть, $\Rightarrow$ экономические институты.

3. Утверждение о том, что политическая власть влияет на экономические институты, подразумевает, что существует конфликт интересов относительно распределения ресурсов, а значит, в той или иной степени относительно набора экономических институтов. Но почему группы с противоположными интересами не имеют единой точки зрения относительно набора экономических институтов, который максимизирует темпы экономического роста (размер общего пирога), и, таким образом, не используют свою политическую власть для того, чтобы распределить выгоды? Почему применение политической власти ведет к экономической неэффективности и даже бедности? По нашему мнению, в основе лежат проблемы выполнения взятых на себя обязательств, внутренне присущие применению политической власти. Индивиды, обладающие политической властью, не могут поручиться, что не будут использовать ее в своих интересах. Именно проблема выполнения взятых на себя обязательств порождает неразрывную связь между экономической эффективностью и распределением, поскольку распределительные последствия введения любого конкретного набора экономических институтов не подлежат компенсации посредством трансфертов и иных выплат.

4. Однако распределение политической власти в обществе также является эндогенным. В рамках нашего теоретического подхода имеет смысл проводить различие между двумя компонентами политической власти, которые мы называем *de jure* (институциональной) и *de facto политической властью*. В данном случае под политической властью *de jure* понимается власть, обусловленная *политическими институтами* общества. Политические институты, как и экономические, определяют ограничения и стимулы ключевых действующих лиц, но на этот раз в политической сфере. Примером политических институтов являются форма правления, например демократия, диктатура или автократия, а также масштаб ограничений, налагаемых на политиков и политические элиты. Так, при монархии политические институты предполагают, что всей политической властью *de jure* обладает монарх, ограничения на ее использование незначительные. В отличие от этого, конституционная монархия соответствует опре-

деленному набору политических институтов, при котором некоторые властные полномочия монарха передаются парламенту; тем самым эффективно ограничивается его политическая власть. Это позволяет сделать вывод, что:

политические институты_{*t*} ⇒ политическая власть *de jure*_{*t*}.

5. Однако объем политической власти зависит не только от политических институтов. Например, группа индивидов, которая согласно конституции не обладает властью в рамках существующих политических институтов, может, тем не менее, иметь политическую власть. Так, она может взбунтоваться, взяться за оружие, прибегнуть к помощи наемников, привлечь на свою сторону войска или использовать экономически разорительные, но, как правило, мирные акции протеста с тем, чтобы навязать обществу свои желания. Мы рассматриваем данный тип политической власти как политическую власть *de facto*, которая имеет два источника. Во-первых, она зависит от способности рассматриваемой группы решать проблему организации коллективных действий, то есть гарантировать, что люди будут действовать совместно, даже когда отдельные индивиды имеют стимул стать «безбилетниками». Так, в Средневековье крестьяне, не обладавшие, по конституции, политической властью, периодически решали проблему организации коллективных действий и восставали против властей. Во-вторых, власть *de facto* некоторой группы зависит от экономических ресурсов, определяющих как способность использовать (правильно или неправильно) существующие политические институты, так и выбор в пользу применения силы против других групп. Поскольку удовлетворительной теории, объясняющей, в каких случаях группы способны решить проблему организации коллективных действий, до сих пор не разработано, мы будем акцентировать внимание на втором источнике политической власти *de facto*. Следовательно:

распределение ресурсов_{*t*} ⇒ политическая власть *de facto*_{*t*}.

6. Это подводит нас к рассмотрению эволюции одной из двух базовых переменных нашего теоретического подхода – политических институтов (другая базовая переменная – это распределение ресурсов, в том числе распределение запасов физического и человеческого капитала и т.д.). Политические институты и распределение ресурсов являются базовыми переменными данной динамической системы, поскольку они, как правило, изменяются относительно медленно и, что более важно, прямо и косвенно воздействуют на экономические институты и функционирование экономики. Прямой эффект заметить легко. Если в рамках определенных политических институтов вся политическая власть находится в руках одного индивида или небольшой группы, то весьма трудно сохранить экономические институты, обеспечивающие защиту прав собственности и равные возможности для остальной части населения. Косвенный эффект действу-

ет через рассмотренные выше каналы: политические институты определяют распределение политической власти *de jure*, которая, в свою очередь, влияет на выбор экономических институтов. Из данного подхода естественным образом вытекает концепция *иерархии институтов*, в рамках которой политические институты влияют на равновесные экономические институты, от которых, в свою очередь, зависят результаты функционирования экономики.

Политические институты, хоть и изменяются медленно, также являются эндогенными. Общества осуществляют переход от диктатуры к демократии и меняют конституции с тем, чтобы модифицировать ограничения, налагаемые на власть имущих. Поскольку, подобно экономическим институтам, политические институты представляют собой результат коллективного выбора, ключевым детерминантом их эволюции является распределение политической власти в обществе. Это обуславливает тенденцию сохранения стабильности: политические институты определяют политическую власть *de jure*, и те, кто ею обладает, влияют на эволюцию политических институтов, стремясь, как правило, поддержать те институты, которые обеспечивают их политическую власть. В то же время политическая власть *de facto* периодически вызывает изменение политических институтов. Зачастую эти изменения являются дискретными, например, когда дисбаланс сил приводит к революции или угроза революции требует существенного реформирования политических институтов. Но, как правило, они просто влияют на способ функционирования существующих политических институтов, например на то, будут ли выполняться правила, заложенные в конституции определенной страны (как это происходит в большинстве нынешних демократических стран), или они будут игнорироваться (как это имеет место в сегодняшнем Зимбабве). Подытожив наши рассуждения, мы получаем:

$$\text{политическая власть}_t \Rightarrow \text{политические институты}_{t+1}.$$

Соединив все части вместе, мы имеем следующее схематичное (и упрощенное) изображение нашего теоретического подхода:

$$\left. \begin{array}{l} \text{политические институты}_t \Rightarrow \\ \text{распределение ресурсов}_t \Rightarrow \end{array} \right\} \begin{array}{c} \text{политическая власть } de\ jure_t \\ \& \\ \text{политическая власть } de\ facto_t \end{array}$$

$$\Rightarrow \left. \begin{array}{l} \text{экономические институты}_t \\ \text{политические институты}_{t+1} \end{array} \right\} \Rightarrow \begin{array}{c} \text{функционирование экономики}_t \\ \& \\ \text{распределение ресурсов}_{t+1}. \end{array}$$

Двумя базовыми переменными являются политические институты и распределение ресурсов; достаточно знать эти две переменные в момент времени t , чтобы определить все другие переменные системы. Тогда как

политические институты определяют распределение политической власти *de jure* в обществе, распределение ресурсов влияет на распределение политической власти *de facto* в момент времени t . В свою очередь, эти два источника политической власти влияют на выбор экономических институтов и будущую эволюцию политических институтов. От экономических институтов зависят результаты функционирования экономики, в том числе темпы экономического роста и распределение ресурсов в момент времени $t + 1$. Несмотря на то что экономические институты служат ключевым фактором, определяющим результаты функционирования экономики, сами они являются эндогенными и зависят от политических институтов и распределения ресурсов в обществе.

Существуют две причины устойчивого функционирования системы: во-первых, политические институты весьма устойчивы; как правило, чтобы вызвать изменение политических институтов, такое как переход от диктатуры к демократии, необходимо достаточно серьезно изменить распределение политической власти. Во-вторых, когда определенная группа является богатой по сравнению с другими, это способствует увеличению ее политической власти *de facto* и позволяет продвигать экономические и политические институты, в которых она заинтересована. В результате исходное относительное неравенство богатства во многом сохраняется и в будущем. Несмотря на эти факторы, обеспечивающие стабильность институтов, наш теоретический подход позволяет выявить возможности осуществления изменений. Так, к значительному изменению политических и, следовательно, экономических институтов и темпов экономического роста приводят «шоки», в частности изменения технологии и международной обстановки, меняющие расстановку политических сил (*de facto*) в обществе.

Прежде чем перейти к рассмотрению некоторых базовых предпосылок и результатов анализа сравнительной статистики, приведем небольшой пример, полезный для пояснения наших идей. Рассмотрим развитие прав собственности в Европе в эпоху Средневековья. Не вызывает сомнений, что недостаток прав собственности у землевладельцев, купцов и первых промышленников в этот период оказывал негативное влияние на темпы экономического роста. Поскольку в рамках различных типов наследственных монархий и политических институтов того времени политическая власть находилась в руках королей, решение о предоставлении подобных прав принималось, как правило, этими монархами. К несчастью для экономического роста, монархи имели все стимулы для защиты собственных прав собственности, но, как правило, не обеспечивали защиту прав собственности других субъектов. Напротив, монархи зачастую использовали власть для экспроприации продукции, введения произвольных налогов, отказа от выплаты своих долгов и раздачи производственных ресурсов общества своим союзникам в обмен на экономические выгоды или политическую поддержку. Следовательно, в Средневековье экономические институты не обеспечивали адекватных стимулов для инвестиций в землю, физический и человеческий капитал или технологию и, тем самым, не

могли стимулировать экономический рост. Кроме того, эти экономические институты гарантировали контроль монархов над значительной долей экономических ресурсов общества, укрепление их политической власти и сохранение политического режима.

Тем не менее в XVII столетии произошли существенные изменения экономических и политических институтов, которые подготовили почву для развития прав собственности и ограничения власти монархов, в особенности в Англии после гражданской войны 1642 г. и буржуазной революции 1688 г., а также в Голландии после восстания против Габсбургов. Почему же произошли эти крупные институциональные изменения? Так, вплоть до XVI в. английский король также имел значительный объем политической власти *de facto*, и если не принимать во внимание гражданские войны, связанные с престолонаследием, никакая другая общественная группа не обладала политической властью *de facto*, достаточной для того, чтобы поставить под сомнение власть короля. Однако изменения на английском рынке земли (Tawney (1941)) и расширение трансатлантической торговли в XVI–XVII вв. (Acemoglu, Johnson, and Robinson (2002b)) способствовали постепенному увеличению экономического благосостояния и, следовательно, власти *de facto* землевладельцев и купцов. Эти группы различались, но, что важно, в их составе были те, которые полагали, что их интересы не совпадают с интересами короля: в то время как английские короли заинтересованы в эксплуатации общества с тем, чтобы увеличить свои доходы за счет налогов, дворянство и купечество были заинтересованы в укреплении своих прав собственности.

К XVII в. растущее благосостояние дворянства и купечества, главным образом за счет внутренней и внешней, в особенности трансатлантической, торговли, позволило собрать войска, способные победить короля. Данная власть *de facto* выразилась в победе над монархией Стюартов во время гражданской войны и буржуазной революции и привела к изменению политических институтов, тем самым лишив короля значительной части прежних властных полномочий по проведению политики. Эти изменения в распределении политической власти обусловили существенное изменение экономических институтов, укрепление прав собственности владельцев земли и капитала и стимулировали процесс финансовой и торговой экспансии. Как следствие, выросли темпы экономического роста, что привело в конечном счете к промышленной революции, и существенно изменилось распределение ресурсов по сравнению со Средневековьем.

Здесь необходимо вновь вернуться к двум важным предпосылкам нашего теоретического подхода. Во-первых, почему группы с противоположными интересами не приходят к согласию относительно набора экономических институтов, максимизирующего темпы экономического роста? Так, в случае конфликта интересов монархов и купцов, почему монархи не обеспечивали защиту прав собственности с целью стимулирования экономического роста и не облагали налогами часть выигрыша? Во-вторых, почему группы, обладающие политической властью, хотят изменить по-

литические институты в свою пользу? Например, в контексте приведенного выше примера, почему дворянство и купечество использовали политическую власть *de facto* для изменения политических институтов, а не для того чтобы просто проводить политику, соответствующую их интересам? Ответы на оба вопроса связаны с проблемами *выполнения взятых на себя обязательств*, которые занимают центральное место в рамках нашего теоретического подхода.

Распределение ресурсов в обществе является, по своей сути, спорным вопросом и поэтому представляет собой политическое решение. Как было упомянуто выше, с ним связаны серьезные проблемы выполнения взятых на себя обязательств, поскольку группы, обладающие политической властью, не могут пообещать не использовать ее для изменения распределения ресурсов в своих интересах. Например, в Средние века сохранение экономических институтов, обеспечивающих защиту прав собственности на землю и капитал, не могло быть гарантировано, пока вся политическая власть находилась в руках монарха. Он мог пообещать уважать права собственности, а затем в определенный момент времени отказаться от своего обещания, примером чего служат многочисленные ситуации отказа средневековых королей от выполнения финансовых обязательств (например, Veitch (1986)). Необходимым условием гарантии защиты прав собственности являлось уменьшение политической власти монарха. Несмотря на то что более надежно защищенные права собственности способствовали бы экономическому росту, монархи не были заинтересованы в этом, поскольку они теряли ренту, обусловленную эксплуатацией и экспроприацией, а также различные другие привилегии, связанные с монополией на политическую власть. Именно поэтому институциональные изменения в Англии, явившиеся результатом буржуазной революции, не были простой уступкой Стюартов. Потребовалось свержение Якова II с тем, чтобы данные изменения все же произошли.

По аналогичной причине политическая власть зачастую используется для изменения политических институтов. В динамичном мире индивиды заботятся не только о сегодняшних, но и о будущих экономических результатах. В приведенном выше примере дворянство и купечество были заинтересованы в получении прибыли и, следовательно, защите своих прав собственности не только в настоящем, но и в будущем. Поэтому они предпочитали использовать свою политическую власть (*de facto*) для того, чтобы гарантировать получение выигрыша как в будущем, так и в настоящем. Однако сохранение распределения ресурсов (или экономических институтов) в будущем невозможно, поскольку завтрашние решения принимают те, кто будет обладать политической властью завтра, во многом игнорируя при этом данные в прошлом обещания. Если бы дворянство и купечество были уверены в сохранении своей политической власти *de facto*, такой проблемы не возникало бы. Однако политическая власть *de facto* зачастую преходяща, например в силу того, что проблемы организации коллективных действий, которые необходимо решить для захвата вла-

сти, вполне могут возникнуть снова, или же в будущем станут сильнее другие группы, в особенности те, которые обладают властью *de jure*. Следовательно, любое изменение политики и экономических институтов, базирующееся исключительно на политической власти *de facto*, в будущем вполне может быть отменено. Кроме того, после революций зачастую возникает конфликт среди самих революционеров. Осознавая это, после победы над монархией Стюартов английское дворянство и купечество стремились изменить в свою пользу не только экономические, но и политические институты и будущее распределение власти *de jure*. Таким образом, использование политической власти для изменения политических институтов становится полезной стратегией, нацеленной на получение выигрыша в течение более длительного времени. Поэтому предлагаемый нами теоретический подход подчеркивает значение политических институтов и изменений в политических институтах, которые позволяют манипулировать будущей политической властью и тем самым косвенно влиять на будущее, а также нынешние экономические институты и результаты.

Данный подход, несмотря на абстрактный и весьма упрощенный характер, позволяет дать некоторые предварительные ответы на наш основной вопрос: почему некоторые общества имеют «хорошие экономические институты»? Здесь необходимо конкретизировать, что же собой представляют хорошие экономические институты. Поскольку мы определяем хорошие экономические институты как те, которые способствуют экономическому росту, возникает опасность тавтологии, которой нам хотелось бы избежать. Данная опасность возникает в силу того, что некоторый набор экономических институтов может быть относительно хорошим в один период времени и плохим в другой. Например, набор экономических институтов, обеспечивающий защиту прав собственности небольшой элитной группы, не оказывает негативного воздействия на экономический рост, если все основные инвестиционные возможности сосредоточены в руках именно этой элиты, но может быть и весьма вредным, если инвестиции и участие других групп имеют важное значение для экономического роста (см. Acemoglu (2003b)). Чтобы избежать подобной тавтологии, а также упростить рассуждения и направить их в нужное русло, далее мы будем считать хорошими экономическими институтами те, которые обеспечивают защиту прав собственности и относительно равный доступ к экономическим ресурсам для широких слоев общества. Хотя данное определение вовсе не требует равенства возможностей в обществе, оно предполагает, что в тех странах, где лишь весьма небольшая часть населения обладает хорошо защищенными правами собственности, хороших экономических институтов нет. Следовательно, как мы увидим ниже на примере некоторых исторических ситуаций, конкретный набор экономических институтов имеет самые разные последствия для экономического роста в зависимости от технологических возможностей и альтернатив.

С учетом данного определения хороших экономических институтов как обеспечивающих защиту прав собственности широких слоев общества,

наш теоретический подход позволяет сделать ряд важных выводов на основе анализа сравнительной статистики и, тем самым, ответить на основной вопрос. Во-первых, политические институты, устанавливающие контроль над теми, кто обладает политической властью, например, путем обеспечения баланса власти в обществе, имеют важное значение для возникновения хороших экономических институтов. Данный результат является интуитивным; без контроля над использованием политической власти существует большая вероятность того, что власть имущие выберут набор экономических институтов, обеспечивающий выгоду им самим и приносящий вред остальной части общества, то есть набор, который, как правило, не гарантирует защиту прав собственности широких слоев населения. Во-вторых, возникновение хороших экономических институтов более вероятно, когда политическая власть находится в руках относительно широкой группы, обладающей значительными инвестиционными возможностями. Причина этого заключается в том, что в данной ситуации, при прочих равных условиях, власть имущие сами будут получать выигрыш от защиты прав собственности.² В-третьих, возникновение и сохранение хороших экономических институтов более вероятно, когда возможности извлечения ренты властью имущими за счет остальной части общества весьма ограничены, поскольку подобная рента подталкивает их к выбору набора экономических институтов, делающего извлечение ренты за счет других возможным. Таким образом, результаты анализа сравнительной статистики показывают, что политические институты занимают центральное положение, что и отражает введенный нами ранее термин «иерархия институтов». Политические институты имеют существенное значение, поскольку они налагают ограничения на использование политической власти (*de facto* и *de jure*) и на то, какие группы обладают политической властью *de jure* в обществе. Ниже мы рассмотрим, используя ряд важных исторических примеров, каким образом анализ сравнительной статистики помогает понять причины различия институтов по странам и во времени.

1.3. План работы

В следующем разделе мы рассмотрим, почему в основе фундаментальной теории экономического роста лежат представления об экономических институтах, проводя сопоставление с другими возможными фундаментальными теориями. В третьем разделе анализируются некоторые эмпирические факты, указывающие на ключевую роль экономических институтов в определении темпов долгосрочного экономического роста. Мы также ак-

---

² Мы добавили замечание об «относительно большой группе», поскольку зачастую, когда небольшая группа, имеющая значительные инвестиционные возможности, обладает властью, она может предпочесть олигархическую систему, в рамках которой ее права собственности будут защищены, а права собственности других субъектов – нет (см. Acemoglu (2003b)).

центрируем внимание на некоторых основных проблемах, возникающих при выявлении причинно-следственной связи между экономическими институтами и ростом. Затем в четвертом разделе мы покажем, каким образом опыт европейского колониализма может быть использован в качестве «естественного эксперимента», позволяющего рассмотреть эти проблемы. После выявления центральной каузальной роли экономических институтов и их значения по сравнению с другими факторами, определяющими межстрановые различия в функционировании экономики, в оставшейся части работы основное внимание уделяется развитию теории экономических институтов. В пятом разделе рассматриваются четыре типа объяснений того, почему страны имеют различные институты, и утверждается, что наиболее правдоподобным является объяснение *с точки зрения теории социального конфликта*. В соответствии с данной теорией, плохие институты возникают вследствие того, что они приносят выгоду группам, обладающим политической властью. Акцент на социальном конфликте является естественным следствием представленных выше наблюдений относительно того, что экономические институты влияют на распределение ресурсов и эффективность. Поэтому разные группы или индивиды будут отдавать предпочтение различным институтам, что и приведет к возникновению конфликта, поскольку все будут стремиться реализовать свои интересы. В шестом разделе более подробно рассматриваются вопросы эффективности и дается ответ на вопрос, почему политическая версия теоремы Коуза является неверной. Мы акцентируем внимание на идее, что при использовании политической власти постоянно возникает проблема выполнения взятых на себя обязательств. В седьмом разделе мы утверждаем, что ряд исторических примеров различающихся экономических институтов можно наилучшим образом объяснить с точки зрения теории социального конфликта. Данные примеры иллюстрируют, каким образом распределение политической власти определяет экономические институты и каким образом политические институты влияют на это распределение. В восьмом разделе указанные идеи выступают основой для построения нашей теории институтов. Наконец, в девятом разделе мы более подробно рассматриваем два примера, иллюстрирующих применение данной теории, а именно: возникновение конституционной формы правления в Европе в начале современного периода и формирование массовой демократии, в частности в Великобритании, в XIX–XX столетиях. В заключительном, десятом, разделе, рассматриваются возможные направления развития данной исследовательской программы.

2. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ В УРОВНЕ ДОХОДОВ

Вначале сделаем небольшое отступление. Предпосылка, которую мы использовали во введении, заключалась в том, что экономические институты имеют значение, и их фактически следует рассматривать как

одну из ключевых фундаментальных причин экономического роста и межстрановых различий в функционировании экономики. Откуда нам это известно?

2.1. Три фундаментальные причины

Если стандартные экономические модели накопления факторов производства и эндогенных технологических изменений дают всего лишь приблизительное объяснение относительного экономического роста, то какие типы объяснений будут являться фундаментальными? Хотя и не существует общепринятой точки зрения по этому вопросу, мы можем выделить три версии: первая, находящаяся в центре нашего внимания в рамках данной работы, подчеркивает значение экономических институтов, которые влияют на результаты функционирования экономики, определяя стимулы экономических субъектов; вторая акцентирует внимание на географическом положении стран, а третья – на значении культуры (четвертая возможность заключается в объяснении различий «удачным» стечением обстоятельств, везением в отношении некоторых обществ; однако мы не считаем, что наличие или отсутствие удачи само по себе является достаточной фундаментальной причиной межстрановых различий в уровне доходов).

2.1.1. Экономические институты

По сути, гипотеза о том, что различия экономических институтов являются фундаментальной причиной разных траекторий экономического роста, предполагает, что принципы организации обществ, которые выбирают сами люди, являются определяющими. Одни способы организации обществ поощряют людей осуществлять инновации, рисковать, откладывать сбережения на будущее, находить лучшие способы выполнения определенной работы, обучаться и получать образование, решать проблемы организации коллективных действий и обеспечивать общественные блага. Другие – оставляют людей индифферентными.

Идея о том, что благосостояние общества зависит от его экономических институтов, восходит, по меньшей мере, к Адаму Смиту, например, к его рассуждениям о меркантилизме и роли рынков. Она представлена также в работах многих ученых XIX в., таких как Джон Стюарт Милль (дискуссию см. в работе Jones (1981)): общества достигают экономического успеха, когда они располагают «хорошими» экономическими институтами, и именно эти институты являются *причиной* процветания. Мы можем рассматривать данные хорошие экономические институты как состоящие из «пучка» взаимосвязанных характеристик. Так, должна быть обеспечена защита прав собственности для широких слоев общества, чтобы все индивиды имели стимул инвестировать, осуществлять инновации и заниматься экономической деятельностью. В определенной степени в обществе должно существовать и равенство возможностей, в том числе

равенство перед законом, так чтобы индивиды, располагающие хорошими инвестиционными возможностями, могли ими воспользоваться.³

Можно рассмотреть и другие типы экономических институтов, например рынки. Историки, следовавшие традиции Адама Смита, в объяснениях причин экономического роста подчеркивали значение степени распространения рынков (Pirenne (1937); Hicks (1969)). Современные теории сравнительного экономического развития также исходят из различий между всевозможными экономическими институтами. Модели «ловушки бедности», подобные представленным в работах Rosenstein-Rodan (1943), Murphy, Vishny, and Shleifer (1989a; 1989b) и Acemoglu (1995; 1997), базируются на идее, что несовершенства рынка могут привести к существованию множественного, ранжированного по Парето, равновесия. В результате страна надолго остается в состоянии неэффективного по Парето равновесия, ассоциируемого с бедностью; при этом выход из подобной ловушки требует осуществления скоординированной деятельности, чего рынок обеспечить не может. Работы, основанные на идеях Banerjee, Newman (1993) и Galor, Zeira (1993), подчеркивают, что в условиях несовершенства рынков капитала распределение богатства влияет на возможность тех или иных субъектов инвестировать, и общества с неравномерным распределением доходов могут надолго погрязнуть в бедности.

На основе указанных теорий разработаны интересные модели зависимости стимулов от ожиданий относительно поведения других субъектов или распределения богатства в рамках некоторого базового набора несовершенств рынка. Однако при этом структура рынка обычно считается заданной величиной. Мы полагаем, что структура рынков является эндогенной и частично зависит от прав собственности. Если права собственности индивидов защищены и обеспечено равенство возможностей, то существуют стимулы к созданию и усовершенствованию рынков (даже несмотря на то что создание совершенных рынков, как правило, невозможно). Таким образом, мы полагаем, что различия рынков определяются разными системами прав собственности и политических институтов, а не неизменными характеристиками, обуславливающими межстрановые различия в функционировании экономики. Именно по этой причине мы акцентируем внимание на экономических институтах, связанных с защитой прав собственности широких слоев общества.

2.1.2. Географическое положение

В то время как институциональные теории подчеркивают значение созданных человеком факторов, говоря о формировании стимулов, альтер-

³ В работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001) мы использовали термин «институты частной собственности» для обозначения набора соответствующих экономических институтов, в том числе верховенства закона и защиты прав собственности, и термин «институты, способствующие извлечению ренты» для обозначения институтов, которые исключают верховенство закона и защиту прав собственности для подавляющего большинства населения.

нативный подход акцентирует роль «природы», то есть физической и географической среды. Данный подход в контексте объяснения межстрановых различий в функционировании экономики принимает во внимание географические, климатические и экологические различия, которые определяют предпочтения и набор возможностей отдельных экономических субъектов в различных обществах. Мы рассматриваем данный широкий подход как «гипотезу о значении географического положения». Существуют по меньшей мере три основные версии гипотезы о роли географического положения, каждая из которых предлагает свой механизм воздействия географического положения на благосостояние.

Во-первых, климат может быть важным фактором предложения труда, стимулов или даже производительности. Данной идеи придерживался известный французский философ Монтескье, который писал в своем классическом труде «О духе законов», что «в климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит и на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем... В холодном климате люди крепче... Народы жарких стран робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши» (Montesquieu (1989)). Другой выдающейся фигурой, подчеркивавшей значение климата, является один из основателей современной экономической теории Маршалл, утверждавший, что «энергичность частично зависит от расовых свойств, но последние, если их вообще можно чем-либо объяснить, обусловлены главным образом климатом» (Marshall (1890), 195).

Во-вторых, географическое положение определяет доступные для общества технологии, в особенности в сельском хозяйстве. Данная точка зрения была предложена одним из первых лауреатов Нобелевской премии в области экономических наук Мюрдалем, который писал, что «серьезное исследование проблем экономической отсталости ... должно принимать во внимание климатические особенности и их воздействие на почву, растительность, животных, людей и физические активы – короче говоря, на жизненные условия развития экономики» (Myrdal (1968), 2121). Позднее данную точку зрения поддержал Даймонд: «...факторами, непосредственно объясняющими завоевание Америки европейцами, являются различия во всех аспектах, касающихся технологии. Эти различия, в конечном счете, обусловлены гораздо более длительным периодом существования в Европе густонаселенных... [стран, зависящих от производства продуктов питания]», что, в свою очередь, определяется различиями географического положения Европы и Америки (Diamond (1997), 358). Современным влиятельным сторонником точки зрения о значении географического положения для производительности сельского хозяйства является экономист Сакс. Он утверждает, что «к началу эры современного экономического роста, если не гораздо ранее, технологии, использовавшиеся в зонах с умерен-

ным климатом, были более производительными по сравнению с технологиями, которые использовались в тропиках...» (Sachs (2001), 2).

Третий вариант гипотезы о значении географического положения, особенно популярный в последнее десятилетие, увязывает бедность во многих частях мира с «бременем заболеваний», подчеркивая, что «аналогичным образом, инфекционные заболевания более широко распространены в тропиках по сравнению с зонами умеренного климата» (Sachs (2000), 32). В работе Bloom, Sachs (1998) утверждается, что распространение малярии, болезни, ежегодно убивающей миллионы детей в Африке, приводит к снижению темпов экономического роста африканских стран, расположенных к югу от Сахары, более чем на 1.3% в год (это значительный эффект, означающий, что если бы малярия была искоренена в 1950 г., то уровень доходов на душу населения в этих странах был бы в два раза выше сегодняшнего).

2.1.3. Культура

Последнее фундаментальное объяснение экономического роста базируется на идее, что различные общества (возможно, различные расы или этнические группы) отличаются своей культурой в силу разного опыта совместного проживания или различных религий. Культура рассматривается как важнейший детерминант ценностей, предпочтений и убеждений индивидов и обществ, и эти различия, в свою очередь, играют ключевую роль, определяя специфику функционирования экономики.

На определенном уровне культура влияет на равновесные исходы при некотором данном наборе институтов. Возможно, существует множественное равновесие, связанное с каким-либо набором институтов, и культурные особенности означают, что координация различных обществ осуществляется в условиях разного равновесия. Альтернативная точка зрения, представленная в работе Greif (1993), заключается в том, что разные культуры способствуют возникновению различных убеждений относительно поведения людей, и это приводит к изменению равновесной ситуации в рамках заданной спецификации институтов (например, одни убеждения допускают использование стратегий наказания, тогда как другие – нет).

Наиболее известный вариант связи между культурой и экономическим развитием был предложен Вебером, который утверждал, что истоки индустриализации Западной Европы коренятся в протестантской реформации и, в особенности, в возникновении кальвинизма (Weber (1930)). С его точки зрения, свойственное протестантизму понимание мира имело ключевое значение для развития капитализма. Протестантизм исходит из идеи предопределения в том смысле, что некоторые люди являются «избранными», тогда как другие – нет. «Нам известно лишь одно: часть людей предопределена к блаженству, остальные же прокляты навек. Полагать, что заслуги или проступки людей оказывают влияние на их судьбы, было бы равносильно тому, что абсолютно свободные, от века существующие

решения Бога мы сочли бы возможным подчинить человеческому влиянию – предположение совершенно немыслимое» (Weber (1930), 60).

Но кто избран, а кто – нет? Кальвин этого не объяснил. Вебер отмечает, что «эти положения претерпели, естественно, существенное изменение у эпигонов... и прежде всего в повседневной жизни широких слоев верующих... Повсюду, где господствовало учение о предопределении, обязательно вставал вопрос о существовании надежных признаков, указывающих на принадлежность к кругу *избранных*» (Weber (1930), 66). Практические решения данной проблемы были выработаны быстро: «...в качестве наилучшего средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривается неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Она, и только она, прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в своем избрании» (Weber (1930), 66–67).

«В такой же степени, в какой добрые дела не могут служить средством к спасению..., эти добрые дела необходимы как знак избрания. Они служат техническим средством не для завоевания блаженства, а для того, чтобы побороть страх перед тем, что ждет человека после смерти» (Weber (1930), 69). Таким образом, хотя экономическая деятельность поощрялась, наслаждение плодами подобной деятельности не приветствовалось. «Главным и самым тяжелым грехом является бесполезная трата времени. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для подтверждения своего призвания. Трата этого времени на светские развлечения, пустую болтовню, роскошь, даже на превышающий необходимое время сон морально совершенно недопустима... Нежелание работать служит симптомом отсутствия благодати» (Weber (1930), 104–105).

Таким образом, протестантизм способствовал возникновению убеждений, которые подчеркивали значение тяжелой работы, бережливости, сбережений, согласно которым экономический успех считался ниспосланным (если не знаком, подаваемым) Богом. Вебер противопоставлял данные характеристики протестантизма характеристикам других религий, например католицизму, который, по его мнению, не содействует развитию капитализма. А в книге об индуизме он утверждал, что кастовая система блокирует развитие капитализма (Weber (1958), 112).

Позднее такие ученые, как Лэндес (Landes (1998)), также утверждали, что истоки экономического превосходства западных стран кроются в определенном наборе взглядов на устройство мира, на то, каким образом мир может быть трансформирован усилиями человека, что опять-таки связано с религиозными различиями. Хотя в работе Варго, McCleary (2003) представлены факты, свидетельствующие о положительной корреляции между господствующими религиозными убеждениями, в особенности относительно ада и рая, и экономическим ростом, они не указывают на то, что религия влияет на экономический рост, поскольку религиозные убеждения являются эндогенными по отношению к результатам функционирования экономики и другим фундаментальным причинам различий в уров-

не доходов (точка зрения, высказанная в работах Tawney (1926) и Hill (1961b) в контексте выводов Вебера).

Идеи о том, что культура может влиять на экономический рост, не ограничиваются выделением роли религии. В рамках литературы, пытающейся объяснить сравнительное экономическое развитие, приводятся аргументы в пользу того, что определенные культуры обладают рядом особенностей, зависящих, как правило, от конкретного национального государства. Например, бедность стран Латинской Америки обусловлена иберийским наследием, тогда как страны Северной Америки обязаны своим процветанием англосаксонскому (Veliz (1994)). Кроме того, в значительной части работ по антропологии утверждается, что общества могут быть «дисфункциональными», или «плохо приспособленными», в том смысле, что они базируются на системе убеждений или способах действий, не приводящих к достижению успеха или процветанию общества (обзор данной литературы см. в Edgerton (1992)). Наиболее известная версия подобной аргументации представлена в работе Banfield (1958), где утверждается, что бедность Северной Италии обусловлена тем, что люди восприняли культуру «аморальной клановости», в рамках которой они доверяют лишь членам своих семей и отказываются сотрудничать или доверять кому-либо еще. Эти рассуждения обрели новую силу в обширном эмпирическом исследовании Путнама, который охарактеризовал подобные общества как не имеющие «социального капитала» (Putnam (1993)). Несмотря на то что в работе Путнама и других работах, например Knack, Keefer (1997) и Durlauf, Fafchamps (2003), отмечается прямая связь между показателями социального капитала и различными результатами функционирования экономики, нет никаких фактов, подтверждающих наличие причинно-следственной связи, поскольку, как и в случае рассмотренных выше религиозных убеждений, показатели социального капитала потенциально являются эндогенными.

3. ИНСТИТУТЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ

Мы утверждаем, что существуют убедительные эмпирические свидетельства в пользу гипотезы, что различия в уровне доходов на душу населения обусловлены не географическим положением или культурой, а различием экономических институтов. Рассмотрим сначала рис. 1.

На рисунке показана межстрановая связь между логарифмом ВВП на душу населения в 1995 г. и широким показателем прав собственности – «защитой против риска экспроприации собственности», – усредненным за период 1985–1995 гг. Источником данных относительно экономических институтов является «Political Risk Services», частная компания, оценивающая риск экспроприации инвестиций в различных странах. Эти данные, впервые использованные в работе Knack, Keefer (1995), а впоследствии в работах Hall, Jones (1999) и Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001; 2002a), не позволяют дать достоверную оценку экономических институтов, одна-

ко наши выводы сохраняют силу и при использовании других имеющихся показателей экономических институтов. Диаграмма рассеивания показывает, что страны, где права собственности защищены более надежно, то есть с лучшими экономическими институтами, имеют более высокий средний уровень доходов.

Рис. 1. Средний уровень защиты против риска экспроприации собственности в 1985–1995 гг. и логарифм ВВП на душу населения в 1995 г.

Возникает искушение проинтерпретировать рис. 1 как изображающий причинно-следственную связь (то есть устанавливающий, что защита прав собственности обуславливает благосостояние). Однако существуют хорошо известные проблемы, возникающие при выведении таких заключений. Прежде всего, имеет место обратная причинно-следственная связь: возможно, только достаточно богатые страны могут позволить себе обеспечить защиту прав собственности. Еще важнее то, что существует проблема искажения, обусловленная неучтенными переменными. Возможно, какие-либо другие факторы, например географическое положение, могут объяснить, почему страны являются бедными и почему в них не обеспечена защита прав собственности. Таким образом, если неучтенные факторы воздействуют на институты и доходы, мы придем к ложному выводу о существовании причинно-следственной связи между экономическими институтами и доходами, тогда как в реальности подобная связь отсутствует. Поэтому попытка оценить взаимосвязь между институтами и уровнем благосостояния с использованием метода наименьших квадратов, как это было сделано в работах Кнак, Кефег (1995) и Варго (1997), может привести к искажению коэффициентов регрессии.

Чтобы еще раз продемонстрировать данные потенциальные проблемы *идентификации*, предположим, что климат или географическое положение в целом оказывают влияние на функционирование экономики.

Действительно, простая диаграмма рассеивания указывает на наличие прямой связи между широтой (абсолютным значением расстояния от экватора) и уровнем доходов на душу населения. Монтескье, однако, утверждал, что теплый климат не только делает людей ленивыми и, таким образом, малопродуктивными, но и приводит к неэффективности демократической формы правления. Он полагал, что в странах с теплым климатом установится такая политическая система, как деспотия. Следовательно, возможное объяснение ситуации, которую мы видим на рис. 1, заключается в том, что не был учтен один из факторов, объясняющих экономические институты и функционирование экономики, – географическое положение. Игнорирование данного фактора приведет к ошибочным заключениям.

Даже если случай, описанный Монтескье, выглядит нереалистичным и не соответствующим нашим современным воззрениям, в целом к нему необходимо относиться серьезно: взаимосвязь, изображенная на рис. 1 (как и на рис. 2), не является причинно-следственной. Как было отмечено в контексте воздействия религии или социального капитала на функционирование экономики, данные типы диаграмм рассеивания, корреляций или их многомерная версия, представленная в регрессиях, построенных на основе метода наименьших квадратов, *не позволяют* установить причинно-следственную связь.

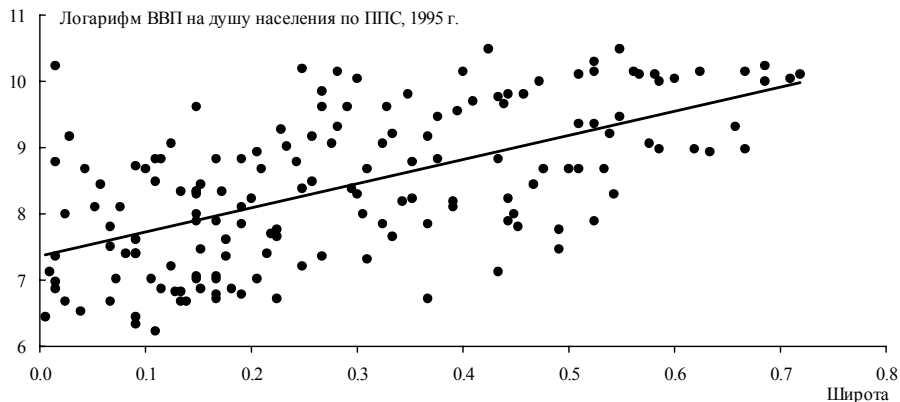

Рис. 2. Широта и логарифм ВВП на душу населения в 1995 г.

Что же можно сделать? Решение этих проблем, связанных с получением выводов, хорошо известно в микроэконометрике: найти источник вариации экономических институтов, который не должен влиять на результаты функционирования экономики, или в зависимости от контекста обратиться к естественному эксперименту. В качестве примера рассмотрим сначала один из наиболее ярких естественных экспериментов, касающихся институтов.

3.1. Корейский эксперимент

Вплоть до окончания Второй мировой войны Корея была оккупирована Японией. Страна обрела независимость вскоре после того, как 15 августа 1945 г. японский император Хирохито объявил о капитуляции. На следующий день советские войска вошли в Маньчжурию и Северную Корею и установили контроль над данными территориями. В тот период Соединенные Штаты опасались главным образом того, что контроль над всем Корейским полуостровом перейдет или к Советскому Союзу, или к коммунистам под руководством бывшего лидера партизанского движения Ким Ир Сена. По этой причине власти США поддержали влиятельного лидера националистов Ли Сын Мана, выступавшего за отделение от коммунистической Кореи, а не за объединение с ней. Выборы на Юге состоялись в мае 1948 г., несмотря на повсеместный бойкот корейцами, которые выступали против отделения. Вновь избранные депутаты подготовили проект новой конституции и создали Республику Корея к югу от 38-й параллели. Север стал Корейской Народной Демократической Республикой, возглавляемой Ким Ир Сеном. Принципы функционирования этих двух независимых стран существенно отличались, и набор институтов был совершенно разным. Север следовал модели советского социализма и китайской революции в плане отмены частной собственности на землю и капитал. Экономические решения не опосредовались рынком, а принимались коммунистическим государством. В отличие от этого, Юг сохранил систему частной собственности, а государство, в особенности после прихода к власти в 1961 г. Парк Чунг Хи, пыталось использовать рынки и стимулы частного сектора для развития экономики.

До начала данного «естественного эксперимента», касающегося институциональных изменений, Северная и Южная Корея имели общую историю и одинаковые культурные корни. Фактически, Корея характеризовалась беспрецедентной этнической, лингвистической, культурной, географической и экономической однородностью. Между Севером и Югом имелись лишь незначительные географические отличия, при этом степень распространения заболеваний была одинакова. Например, ЦРУ в своем издании «CIA Factbook» описывает климат Северной Кореи как «умеренный, летом преимущественно дождливый», тогда как климат Южной Кореи – «умеренный, притом что количество осадков летом больше, чем зимой». С точки зрения рельефа территория Северной Кореи характеризуется как состоящая «главным образом из холмов и гор, разделенных широкими и узкими долинами; прибрежные равнины распространены в западной части и периодически встречаются на востоке», тогда как территория Южной Кореи – это «главным образом холмы и горы; прибрежные равнины распространены на западе и юге». С точки зрения запасов природных ресурсов Северная Корея находится в лучшем положении, располагая значительными запасами угля, свинца, вольфрама, цинка, графита, магнетита, железной руды, меди, золота, пирита, соли, флюорита и гидроэлектростанций.

нергий. Природные ресурсы Южной Кореи включают «уголь, вольфрам, графит, молибден, свинец и гидроэлектроэнергию». Обе страны обладают одинаковыми преимуществами географического положения с точки зрения доступа к рынкам и транспортных издержек.

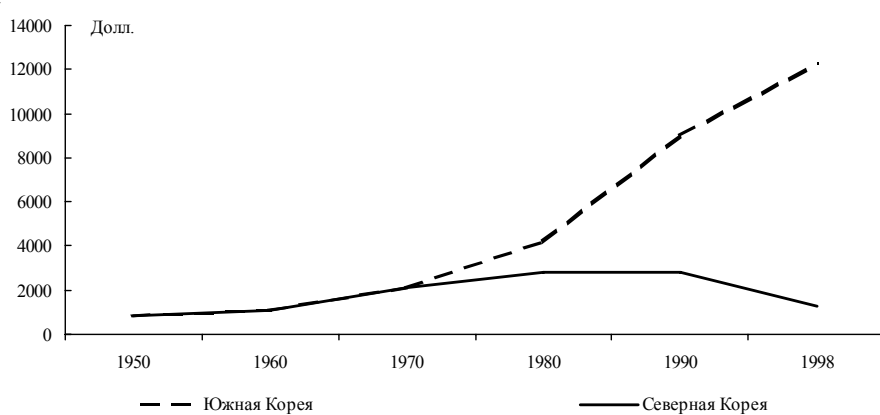
Иные, созданные человеком исходные экономические условия также были схожими, и если какие-либо различия и имели место, то они были в пользу Севера. Например, в колониальный период в условиях экспансии японских и местных фирм была проведена существенная индустриализация экономики. При этом данный процесс в большей степени затронул Север, а не Юг. Так, основные производственные мощности крупного японского дзайбату Ногучи, на который приходилось около трети японских инвестиций в Корею, располагались на Севере. Были построены крупные гидроэлектростанции, в том числе плотина Суихо на реке Ялуцзян, уступающая по мощности лишь Боулдерской плотине на реке Колорадо. Кроме того, был создан «Nippon Chisso», второй по величине в мире химический комплекс, взятый под контроль северокаорейским государством. И, наконец, в Чхонджине Северная Корея располагала также крупнейшим портом на Японском море. При всем этом, несмотря на некоторые потенциальные преимущества Севера⁴, по оценкам, представленным в работе Maddison (2001), во время отделения Северная и Южная Кореи имели примерно одинаковый уровень доходов на душу населения.

По этой причине мы можем рассматривать разделение Кореи, произошедшее более 50 лет назад, как естественный эксперимент, который можно использовать для определения воздействия некоторого набора институтов на уровень благосостояния. Корея была разделена на две части, принципы функционирования которых радикально отличались, тогда как географическое положение, культура и многие другие потенциальные детерминанты экономического благосостояния остались неизменными. Таким образом, по всей видимости, любые различия в функционировании экономики можно отнести на счет различий институтов.

После разделения две Кореи следовали совершенно разным траекториям экономического развития (рис. 3), что соответствует гипотезе, согласно которой именно институциональные различия определяют относительные результаты развития экономики. К концу 1960-х гг. экономика Южной Кореи являлась примером азиатского «чуда», демонстрируя одни из наиболее высоких темпов роста экономического благосостояния, когда-либо наблюдавшиеся в истории, тогда как экономика Северной Кореи находилась в состоянии стагнации. К 2000 г. уровень доходов на душу населения в Южной Корее составлял 16100 долл., а в Северной Корее – лишь 1000 долл. К 2000 г. Южная Корея стала членом Организации экономического сотрудничества и развития, клуба богатых стран, тогда как уро-

⁴ Возможно, что подобные различия исходных условий были нивелированы в результате масштабной бомбардировки Северной Кореи американскими войсками в начале 1950-х гг. (см. Cumings (2004), Ch. 1).

вень доходов на душу населения в Северной Корее был практически таким же, как в типичной африканской стране, находящейся к югу от Сахары. Есть только одно правдоподобное объяснение совершенно разного функционирования экономики двух корейских стран после 1950 г.: причиной различных экономических результатов являются существенно отличающиеся институты. В данном контексте стоит упомянуть, что две Кореи имели не только одинаковое географическое положение, но и общую культуру.

Рис. 3. ВВП на душу населения в Северной и Южной Кореех, 1950–1998 гг.

Возможно, на Севере Ким Ир Сен и члены коммунистической партии полагали, что в конце 1940-х гг. для страны и экономики более подходящей будет коммунистическая политика. Однако к началу 1980-х гг. стало ясно, что коммунистическая экономическая политика на Севере не эффективна. Постоянные попытки руководства страны сохранить данную политику и свою власть объясняются лишь тем, что оно старалось преследовать собственные интересы в ущерб населению в целом. Следовательно, плохие институты, очевидно, сохранялись не для выгоды общества в целом, а в интересах правящей элиты. Именно такая ситуация встречается в большинстве случаев неудачных попыток введения эффективных институтов, которые подробно рассматриваются ниже.

Однако, несмотря на всю убедительность, фактов, полученных на основе данного естественного эксперимента, недостаточно для того, чтобы установить значение экономических институтов как основного фактора, определяющего межстрановые различия в уровне экономического благосостояния. Во-первых, это лишь один случай, тогда как при проведении более тщательно контролируемых экспериментов в естественных науках необходима относительно крупная выборка. Во-вторых, здесь мы имеем пример крайнего случая – различий между рыночно ориен-

тированной и коммунистической экономикой. Сегодня лишь немногие представители социальных наук станут отрицать, что длительный период тоталитарного правления и централизованного планирования ведет к значительным экономическим издержкам. Тем не менее, многие из них утверждают, что различия экономических институтов среди капиталистических или демократических стран не являются основным фактором, обуславливающим разные траектории экономического развития. Чтобы выявить ключевое значение экономических институтов для благосостояния и бедности стран, нам необходимо рассмотреть более масштабный «естественный эксперимент», отражающий дивергенцию институтов.

3.2. Колониальный эксперимент

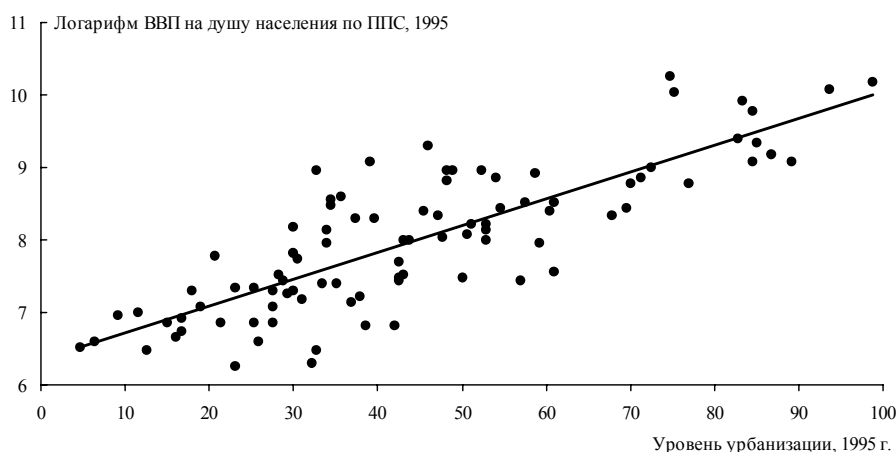
Подобным крупномасштабным естественным экспериментом является колонизация значительной части мира европейцами. С начала XV столетия, и в особенности после 1492 г., европейцы покорили многие другие нации. Колонизация привела к трансформации институтов на самых разных территориях, покоренных или взятых под контроль европейцами. Что наиболее важно, европейцы вводили весьма различные наборы институтов в разных частях своей глобальной империи, наиболее ярким примером чего является контраст между экономическими институтами на северо-востоке Америки и плантациях стран Карибского бассейна. В результате, притом что географическое положение оставалось неизменным, европейцы инициировали крупные изменения экономических институтов и социальной организации различных обществ. Мы покажем, что данный пример колонизации обеспечивает убедительные доказательства ключевой роли экономических институтов для развития экономики. Учитывая значение данного материала и необходимость его детального рассмотрения, мы посвящаем обсуждению опыта колонизации отдельный раздел своей работы.

4. ИЗМЕНЕНИЕ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Влияние европейского колониализма на экономические институты наиболее ярко, по-видимому, можно выразить одним фактом – исторические данные указывают на существенное изменение экономического благосостояния бывших европейских колоний. В 1500 г. такие общества, как цивилизации Великих Моголов в Индии, а также ацтеков и инков в Америке, были одними из самых богатых, а национальные государства, совпадающие с границами этих империй, являются сегодня одними из самых бедных. В отличие от них, страны, занимающие территории менее развитых цивилизаций в Северной Америке, Новой Зеландии и Австралии, в настоящее время гораздо более богаты по сравнению с землями Моголов, ацтеков и инков.

4.1. Изменение благосостояния в бывших колониях

Исследование причин изменения благосостояния не ограничивается подобными сопоставлениями. Используя адекватные переменные, отражающие уровень благосостояния вплоть до современного времени, можно показать, что данная ситуация является гораздо более системным явлением. Нашими переменными, отражающими уровень доходов на душу населения в доиндустриальных обществах, являются уровень урбанизации и плотность населения. Лишь общества, обладающие определенной производительностью в сельском хозяйстве и относительно развитой транспортной системой и торговлей, имеют крупные города и высокую плотность населения. Рис. 4 отражает взаимосвязь между сегодняшними уровнями доходов на душу населения и урбанизации (долей населения, проживающего в городах с количеством жителей более 5000 человек) и показывает, что в настоящее время существует значительная взаимосвязь между уровнем урбанизации и благосостоянием.

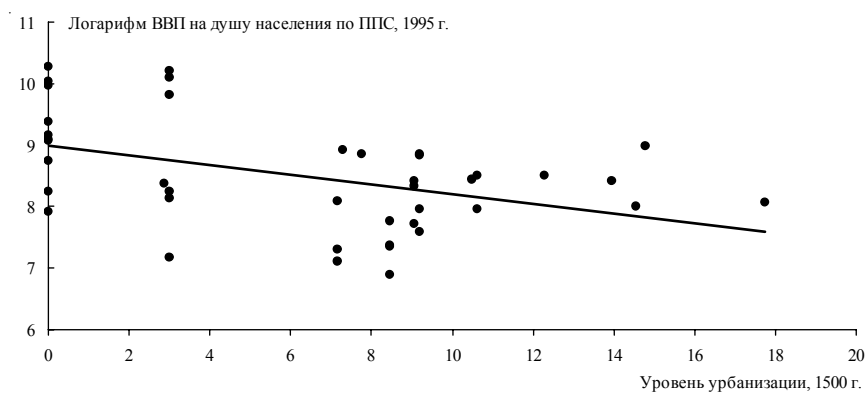

Рис. 4. Уровень урбанизации в 1995 г. и логарифм ВВП на душу населения в 1995 г.

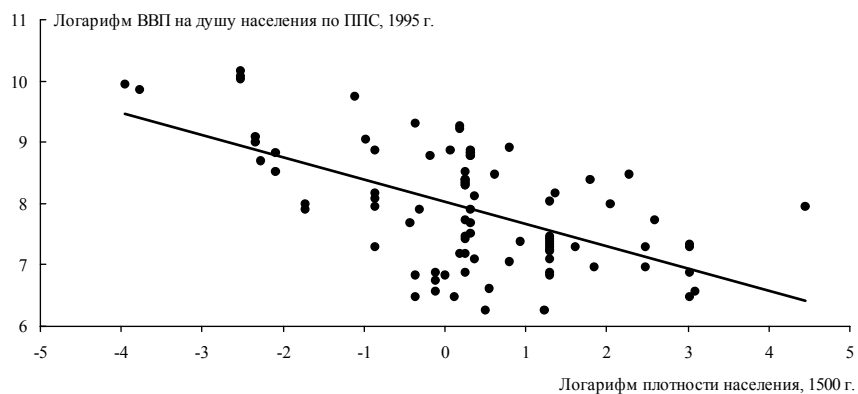
Естественно, высокий уровень урбанизации не означает, что большинство населения живет в достатке. В действительности, до XX в. города зачастую являлись средоточием бедности и болезней. Тем не менее, уровень урбанизации является хорошей переменной, отражающей средний уровень доходов на душу населения в обществе и тесно связанной с показателем, который мы используем при оценке благосостояния.

Рис. 5 и 6 показывают взаимосвязь между сегодняшним уровнем доходов на душу населения и уровнем урбанизации, а также (логарифмом)

плотности населения в 1500 г. для выборки из европейских колоний.⁵ Мы выбрали 1500 г., поскольку до этого периода европейская колонизация не оказывала никакого влияния на эти общества. Оба рисунка со всей очевидностью показывают, что существует сильная отрицательная связь, указывающая на изменение экономического благосостояния в период между 1500 г. и сегодняшним временем. Фактически, рисунки показывают, что в 1500 г. уровень благосостояния территорий с умеренным климатом был в целом меньшим по сравнению с тропическими территориями, однако к XX в. данная ситуация также изменилась.

Рис. 5. Уровень урбанизации в 1500 г. и логарифм ВВП на душу населения в 1995 г. в бывших европейских колониях

Рис. 6. Логарифм плотности населения в 1500 г. и логарифм ВВП на душу населения в 1995 г. в бывших европейских колониях

⁵ Выборка включает страны, колонизированные европейцами в период XV–XIX вв. в рамках внешней экспансии, начавшейся после открытия Нового света и огибания мыса Доброй надежды. По этой причине она не включает Ирландию, часть территорий Российской империи, а также Ближний Восток и страны, находившиеся некоторое время под контролем европейских стран в XX столетии.

Источниками данных относительно урбанизации, которые использовались при построении рисунков, послужили работы Bairoch (1988), Bairoch, Batou, and Chevre (1988), Chandler (1987) и Eggimann (1999). Источник данных относительно плотности населения – McEvedy, Jones (1978). Подробности и дополнительные выводы представлены в работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2002a).

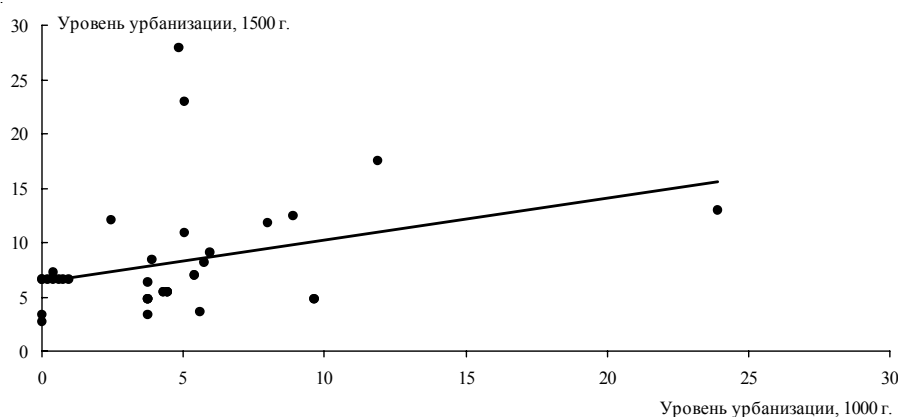

Рис. 7. Уровень урбанизации в 1000 и 1500 гг. в неколониальных странах

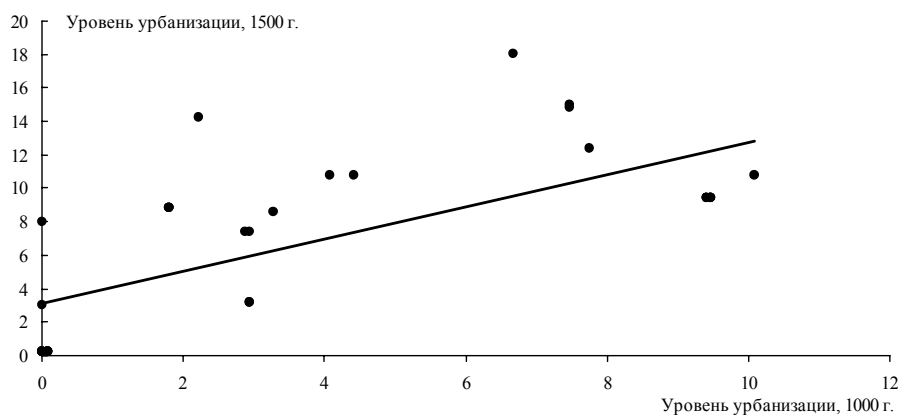
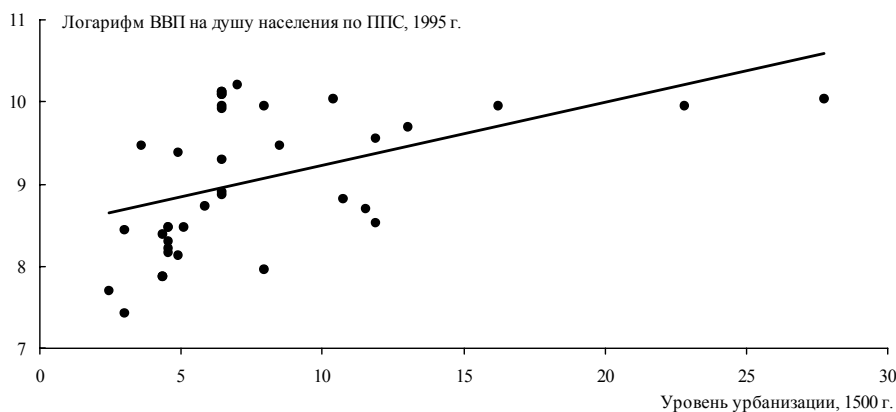

Рис. 8. Уровень урбанизации в 1000 и 1500 гг. в бывших европейских колониях

В данном изменении благосостояния есть нечто экстраординарное. Например, после первоначального периода развития сельского хозяйства уровень урбанизации и плотность населения оставались практически неизменными во всех странах, в том числе тех, которые впоследствии были колонизированы европейцами. На рис. 7 и 8 изображены взаимосвязи,

касающиеся урбанизации, при этом отдельно показана взаимосвязь между уровнем урбанизации в 1000 и 1500 гг. для выборки колониальных и всех других стран. Оба рисунка указывают на постоянство, а не на изменение ситуации. Несмотря на подъем и падение Древнего Египта, Афин, Рима, Карфагена и других империй, рисунки свидетельствуют о практически неизменном уровне благосостояния регионов.

Более того, после 1500 г. изменение благосостояния не было повсеместным явлением в мире. Рис. 9 показывает, что в период между 1500 и 1995 гг. данное изменение не затронуло страны, которые не были колонизированы европейцами в начале современного и в современный периоды. По этой причине нет никаких оснований полагать, что ситуация, изображенная на рис. 5 и 6, указывает на определенное естественное изменение благосостояния в сторону среднего значения.

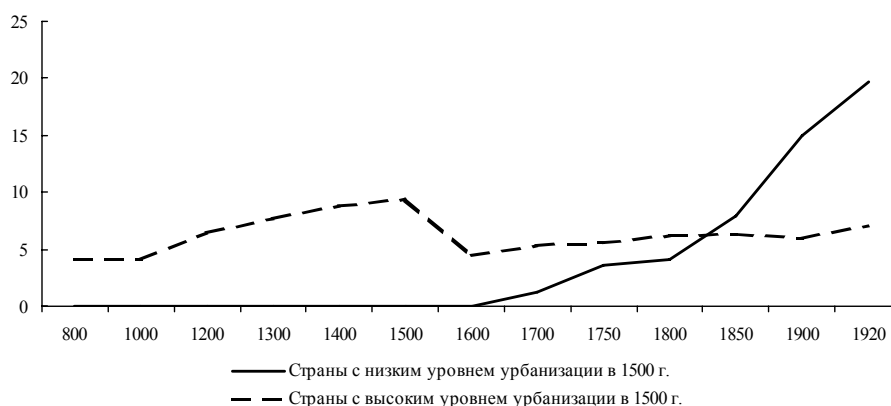
Рис. 9. Уровень урбанизации в 1500 г. и логарифм ВВП на душу населения в 1995 г. в неколониальных странах

4.2. Временные рамки изменения благосостояния

Когда же произошло изменение благосостояния? Один из возможных вариантов ответа состоит в том, что оно имело место вскоре после завоевания стран европейцами, однако рис. 10 и 11 показывают, что в прошлом бедные колонии обошли по уровню благосостояния колонии, которые ранее были высоко урбанизированными, в конце XVII – начале XIX вв., и данный процесс шел параллельно с процессом индустриализации. Рис. 10 отражает средний уровень урбанизации в колониях, где в 1500 г. урбанизация была относительно низкой и относительно высокой. Изначально высоко урбанизированные страны имеют более высокие уровни урбанизации и благосостояния вплоть до 1800 г. В это же время экономика изначально низко урбанизированных стран начинает расти гораздо более высокими темпами, что дает начало продолжительному периоду диверген-

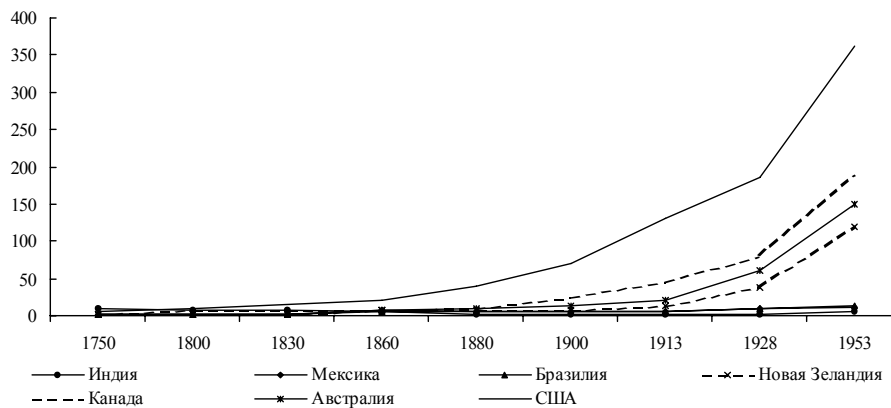

ции. Рис. 11 показывает объемы промышленного производства на душу населения в ряде стран. Хотя это и не так просто увидеть на рисунке, в 1750 г. объемы промышленного производства (на душу населения и в целом) в Индии были больше, чем в Соединенных Штатах. К 1860 г. Соединенные Штаты и британские колонии с относительно хорошими экономическими институтами, такие как Австралия и Новая Зеландия, начали быстро вырваться вперед, и к 1953 г. между этими странами и Индией образовался значительный разрыв.

Примечание. Средневзвешенное по численности населения в 1500 г. значение для каждой группы.

Рис. 10. Динамика уровня урбанизации в бывших европейских колониях

Примечание. Объем промышленного производства на душу населения в Великобритании в 1900 г. = 100.

Рис. 11. Динамика промышленного производства на душу населения в бывших европейских колониях

4.3. Интерпретация изменения благосостояния

Какая из трех общих гипотез относительно источников межстрановых различий применима к данному изменению благосостояния и его временным рамкам? Указанная ситуация, очевидно, противоречит упрощенным взглядам на относительное благосостояние, подчеркивающим значение географического положения. В 1500 г. ряд стран с тропическим климатом были относительно богатыми, а в 2003 г. ситуация кардинально изменилась. Следовательно, было бы неверно исходить в объяснении сегодняшнего относительного благосостояния из присущей тропикам бедности, как это делается в работах Sachs (2000; 2001). Данная аргументация противоречит историческим фактам.

Тем не менее, вслед за работой Diamond (1997) можно предположить, что справедлива так называемая «усложненная гипотеза о значении географического положения» (Acemoglu, Johnson, and Robinson (2002a)), согласно которой оно имеет значение, однако со временем ситуация может меняться. Например, европейцы создали «специфическую для определенной широты» технологию – плуги из тяжелых металлов, использовавшиеся лишь в регионах с умеренным климатом, но не в тропиках. Таким образом, после того как начиная с 1492 г. европейцы завоевали большую часть мира, они привнесли специфические технологии, которые срабатывали в одних местах (Соединенных Штатах, Аргентине, Австралии), а в других – нет (Перу, Мексика, Западная Африка). Однако временные рамки изменения благосостояния, произошедшего в XIX столетии, большей частью не укладываются в типологию усложненной гипотезы о значении географического положения. Европейцы могли иметь специфические для определенной широты технологии, но временные рамки указывают на то, что эти технологии скорее промышленные, а не сельскохозяйственные, и трудно понять, почему в тропиках не использовались промышленные технологии (в действительности, они достаточно успешно применялись в тропических Сингапуре и Гонконге).⁶

Аналогичные аргументы можно привести против гипотезы о значении культуры. Хотя культура и меняется медленно, процесс колонизации был достаточно радикальным, чтобы вызвать крупные культурные изменения во многих странах, находившихся под господством европейцев. Кроме того, уничтожение многочисленного коренного населения и иммиграция из Европы привели к созданию новых культур или, по крайней мере, модификации существующих по многим важным направлениям (беллетризованное описание подобных культурных изменений см. в Vargas (1989)). Тем не менее гипотеза о значении культуры не дает понятного объяснения

---

⁶ Возможная связь была выявлена в работе Lewis (1978), где утверждается, что тропическое сельское хозяйство менее продуктивно по сравнению с сельским хозяйством в умеренных климатических условиях, и «сельскохозяйственная революция» является предпосылкой промышленной революции, поскольку для стимулирования спроса на промышленную продукцию необходима высокая производительность в сельском хозяйстве.

причин изменения благосостояния и ничего не может сказать о его временных рамках. Более того, ниже показывается, что эконометрические модели, учитывающие влияние институтов на доходы, не подтверждают влияния религии или культуры на уровень благосостояния.

Наиболее простое объяснение причин изменения благосостояния дает гипотеза о значении институтов, которую мы далее и рассмотрим.

4.4. Экономические институты и изменение благосостояния

Согласуется ли изменение благосостояния с доминирующей ролью экономических институтов при сопоставлении уровней экономического развития? Ответ положительный. Фактически, признав вариацию экономических институтов, созданных в процессе колонизации, можно увидеть, что изменение благосостояния – это именно то, на что указывает гипотеза о значении институтов.

В работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2002a) мы проверили связь между исходной плотностью населения, уровнем урбанизации и созданием хороших экономических институтов. Мы показали, что, при прочих равных условиях, чем выше исходная плотность населения или чем больше исходный уровень урбанизации, тем хуже впоследствии институты, в том числе институты, созданные вскоре после обретения независимости, а также сегодняшние институты. Рис. 12 и 13 демонстрируют эти взаимосвязи с помощью такого же показателя качества нынешних экономических институтов, какой использовался при построении рис. 1, то есть сегодняшней защиты против риска экспроприации собственности. Рисунки свидетельствуют о том, что относительно плотно заселенные и высоко урбанизованные колонии, в конце концов, имели худшие (или «способствующие извлечению ренты») институты, тогда как малонаселенные и низкоурбанизованные территории привлекали европейских мигрантов и получали развитые институты, обеспечивающие защиту прав собственности широких слоев общества. Следовательно, европейский колониализм обусловил институциональные изменения в том смысле, что прежде более богатые и густо населенные территории впоследствии оказались с худшими институтами.⁷

Если быть справедливыми, то, возможно, во многих из этих мест европейцы не насаждали силой институты, дестимулирующие экономический прогресс, а наследовали их от прежде существовавших здесь цивилизаций. Структура империй Великих Моголов, ацтеков и инков уже была достаточно иерархической. Власть концентрировалась в руках небольшой

---

⁷ Изменение институтов не означает, что на территориях, которые ранее были более густонаселенными, институты обязательно лучше (см. следующий параграф). Оно лишь указывает на тенденцию, заключающуюся в том, что относительно более бедные и менее густонаселенные территории, в конце концов, оказывались с лучшими институтами, чем те, которые ранее были богатыми и густонаселенными.

правлящей элиты и была структурирована таким образом, чтобы меньшинство имело возможность изымать ресурсы у большинства в свою пользу. Зачастую европейцы просто перенимали эти существующие институты. Однако то, как оно было на самом деле, является для нас второстепенным вопросом. Действительно имеет значение то, что на густонаселенных и относительно развитых территориях европейцы были заинтересованы в институтах, способствующих изъятию ресурсов и, тем самым, не обеспечивающих защиту прав собственности большинства населения, тогда как на малонаселенных территориях в их интересы входило создание институтов, обеспечивающих защиту прав собственности. Эти стимулы и привели к институциональным изменениям.

Рис. 12. Уровень урбанизации в 1500 г. и средний уровень защиты против риска экспроприации собственности в 1985–1995 гг.

Рис. 13. Логарифм плотности населения в 1500 г. и средний уровень защиты против риска экспроприации собственности в 1985–1995 гг.

Институциональные изменения в сочетании с гипотезой о значении институтов позволяют спрогнозировать изменение благосостояния: относительно богатые регионы получили относительно худшие экономические институты, и если эти институты имеют важное значение, мы увидим, что со временем эти регионы станут относительно бедными. Именно это мы обнаружили при исследовании изменения благосостояния.

Более того, временные рамки согласуются с гипотезой о значении институтов. Вспомним, что гипотеза о значении институтов увязывает стимулы к инвестированию в физический и человеческий капитал, а также в технологию с экономическими институтами и утверждает, что экономическое благосостояние обусловлено этими инвестициями. По этой причине экономические институты имеют более важное значение, когда существуют значительные новые возможности осуществления инвестиций. В XIX столетии основные возможности осуществления инвестиций были связаны с индустриализацией. Богатые в настоящее время бывшие европейские и другие колонии – это те страны, которые успешно провели индустриализацию в течение этого критически важного периода.

4.5. Объяснение колониального опыта

Объяснение изменения благосостояния, вытекающее из наших рассуждений, заключается в том, что в разных колониях экономические институты создавались европейцами с учетом того, чтобы они приносили выгоду непосредственно им самим. Более того, поскольку условия и запасы факторов производства отличались по колониям, европейцы сознательно создавали разные экономические институты, которые по-прежнему существуют и продолжают определять результаты функционирования экономики. Почему же европейцы вводили лучшие институты на прежде бедных и малонаселенных территориях, а не на богатых и густонаселенных? Ответ на данный вопрос связан с анализом сравнительной статистики в рамках нашего теоретического подхода. Временно оставив подробные рассуждения, отметим несколько очевидных идей.

Европейцы с большей вероятностью вводили или сохраняли экономические институты, способствующие изъятию ресурсов, на территориях, где они могли получить от этого выгоду. Это, как правило, были территории, контролируемые небольшой группой европейцев, или территории, располагающие достаточными запасами ресурсов. Данные ресурсы включали золото и серебро, ценную сельскохозяйственную продукцию, такую как сахар, и, что наиболее важно, людей. На территориях с многочисленным коренным населением европейцы могли эксплуатировать жителей или в форме налогообложения, взимания дани, или принудительного использования их труда на рудниках и плантациях. Данный тип колонизации несовместим с институтами, обеспечивающими экономические и гражданские права для большинства населения. Следовательно, более развитая цивилизация и густонаселенная структура

населения делали более прибыльным для европейцев введение худших экономических институтов.

В отличие от этого, на территориях, где извлекать было нечего, а также на малонаселенных территориях, где сами европейцы образовывали большинство населения, в их интересы входило создание экономических институтов, обеспечивающих защиту прав собственности.

4.6. Поселения, смертность и экономическое развитие

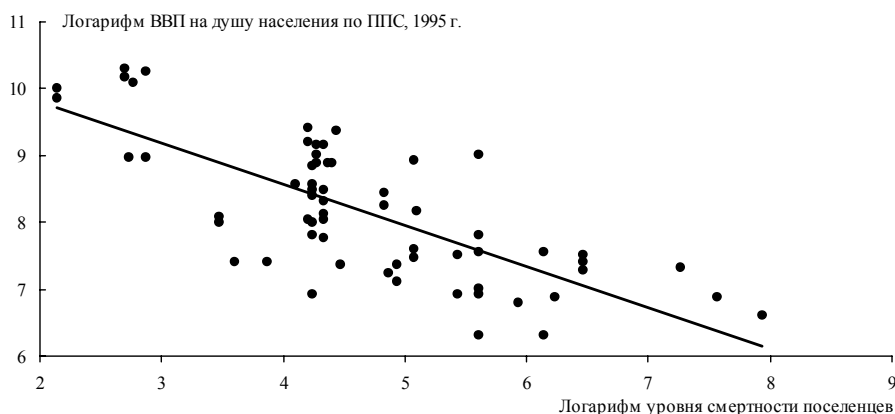
Исходные условия, на которых мы до сих пор акцентировали внимание, касались плотности коренного населения и уровня урбанизации. Помимо этого, колонии существенно отличались степенью распространения заболеваний, что, очевидно, имело определенные последствия для привлекательности европейских поселений. Как было отмечено выше, при создании поселений европейцы устанавливали институты, в рамках которых приходилось жить им самим. Поэтому в зависимости от того, создавали европейцы поселение или нет, это оказывало экзогенное влияние на последующую траекторию институционального развития. Иначе говоря, если распространение заболеваний 200 или более лет назад влияет на сегодняшнюю ситуацию только посредством воздействия на нынешние институты, тогда мы можем использовать исторические данные относительно распространения заболеваний в качестве экзогенного источника вариации нынешних институтов. С эконометрической точки зрения мы располагаем надежным показателем, который позволит нам точно определить воздействие экономических институтов на уровень благосостояния.⁸

Данная аргументация была развита и проверена эмпирически в работе Асемоглу, Johnson, and Robinson (2001). Мы использовали исходные условия, существовавшие в европейских колониях, в частности данные из работ Curtin (1989; 1998) и Gutierrez (1986), касающиеся уровня смертности европейцев (главным образом, солдат, моряков и священников), как показатели качества нынешних экономических институтов. Причина этого заключается в том, что за исключением воздействия на экономические институты в колониальный период историческая динамика уровня смертности европейцев не влияет на нынешний уровень доходов. На рис. 14 и 15 представлены диаграммы рассеивания уровня смертности европейцев и показателя качества современных экономических институтов, а также уровня ВВП на душу населения. Выборка включает страны, колонизированные европейцами в начале современного и в современный периоды, и, таким образом, исключает среди прочих Китай, Японию, Корею и Таиланд.

⁸ Несмотря на то что уровень смертности европейцев потенциально коррелирует с уровнем смертности коренного населения, который может влиять на сегодняшние доходы, на практике местное население обладает гораздо большим иммунитетом к малярии и желтой лихорадке. Таким образом, историческая динамика уровня смертности европейцев является надежным показателем институционального развития. См. Асемоглу, Johnson, and Robinson (2001).

Рис. 14. Логарифм уровня смертности потенциальных европейских поселенцев и средний уровень защиты против риска экспроприации собственности в 1985–1995 гг.

Рис. 15. Логарифм уровня смертности потенциальных европейских поселенцев и логарифм ВВП на душу населения в 1995 г.

Рис. 14 отражает весьма тесную связь между историческим риском смертности, с которым сталкивались европейцы, и степенью, в которой сегодня обеспечивается защита прав собственности. Коэффициент R^2 двумерной регрессии равен 0.26. Рисунок также показывает существование очень больших различий в уровне смертности европейцев. Жители таких стран, как Австралия, Новая Зеландия и Соединенные Штаты, были весьма здоровыми, и ожидаемая продолжительность жизни, как правило, была большей, чем жителей Великобритании. С другой стороны, уровень смертности был чрезвычайно высоким в Африке, Индии и Юго-Восточной Азии. Различия в уровне смертности в значительной степени обусловлены тропическими болезнями, такими как малярия и желтая лихорадка,

поскольку в то время не были понятны ни причины этих болезней, ни то, как их можно предотвратить или вылечить.

В работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001) с использованием уровня смертности европейцев в качестве показателя сегодняшней защиты прав собственности мы показали, что в настоящее время разрыв между богатыми и бедными странами в значительной степени обусловлен различием экономических институтов. Если быть более точными, то мы показали, что если взять две типичные страны – в том смысле, что они будут лежать на линии регрессии, – с высоким и низким риском экспроприации собственности, такие как Нигерия и Чили, то практически вся разница в уровне доходов на душу населения объясняется различиями в степени защиты прав собственности (Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001), 1387). Мы также представили результаты регрессионного анализа, свидетельствующие о том, что если должным образом учесть влияние экономических институтов на уровень ВВП на душу населения, то переменные, отражающие географическое положение, такие как широта, вне зависимости от того, имеет ли страна выход к морю, а также распространение заболеваний в настоящее время, не позволяют объяснить сегодняшний уровень благосостояния.

Данные идеи и выводы позволяют интерпретировать существование сильной корреляции между переменными, отражающими географическое положение, такими как широта, и уровнем доходов на душу населения. Основной причиной является то, что в колониальный период европейцы не обладали иммунитетом от тропических болезней, и, таким образом, колонии поселенцев, при прочих равных условиях, создавались, как правило, на территориях с умеренным климатом. В результате создание экономических институтов исторически коррелировало с широтой. Не рассматривая роль экономических институтов, легко получить ложную связь между широтой и уровнем доходов на душу населения. Однако если экономические институты учесть должным образом, данные взаимосвязи перестают иметь место. Географическое положение не влияет на уровень сегодняшнего благосостояния, хотя географическое положение исторически могло иметь важное значение при создании экономических институтов.

А как насчет роли культуры? Похоже на то, что изменение благосостояния не противоречит объяснениям относительного экономического роста, учитывающим значение культуры. Европейцы привносили не только новые институты, но и собственную культуру. Существует три основных способа подтверждения этой идеи. Во-первых, культура может быть систематически связана с национальной идентичностью страны-колонизатора. Например, британцы могли имплантировать «хорошую» англосаксонскую культуру в таких колониях, как Австралия и Соединенные Штаты, тогда как испанцы определяли судьбу стран Латинской Америки, насаждая испанскую или иберийскую культуру (научная литература полна идей, подобных этой; последние версии см. в Veliz (1994), North, Summerhill, and Weingast (2000) и Wiarda (2001)). Во-вторых, как следует из работы Landes

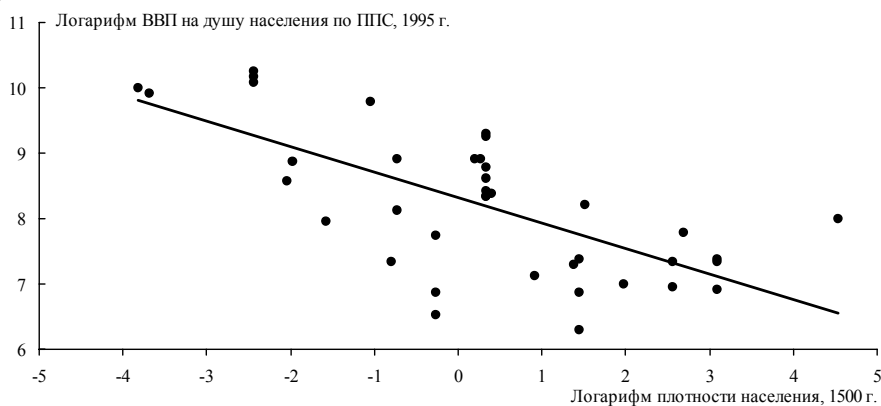
(1998), уникальная культура европейцев, например их трудовая этика или убеждения, могла способствовать увеличению благосостояния. И, наконец, в соответствии с работой Weber (1930) европейцы привносили также и разные религии, имевшие различные последствия для уровня благосостояния. Подобная гипотеза объясняет относительную бедность стран Латинской Америки и относительное богатство стран Северной Америки тем, что большинство граждан первых стран католики, а вторых – протестанты.

Однако результаты эконометрического анализа, представленные в работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001), не подтверждают ни одну из этих версий. Если мы должным образом учитываем влияние экономических институтов, ни идентичность страны-колонизатора, ни удельный вес европейцев в общей численности сегодняшнего населения, ни удельный вес населения, исповедующего ту или иную религию, не будут существенными детерминантами уровня доходов на душу населения.

Данные результаты эконометрического анализа подтверждаются историческими фактами. Например, что касается идентичности страны-колонизатора, то в XVII столетии в Голландии, вероятно, существовали самые лучшие экономические институты в мире, однако колонии, созданные голландцами в Юго-Восточной Азии, в конце концов, получили институты, способствующие изъятию ресурсов и не обеспечивающие экономические и гражданские права коренного населения.

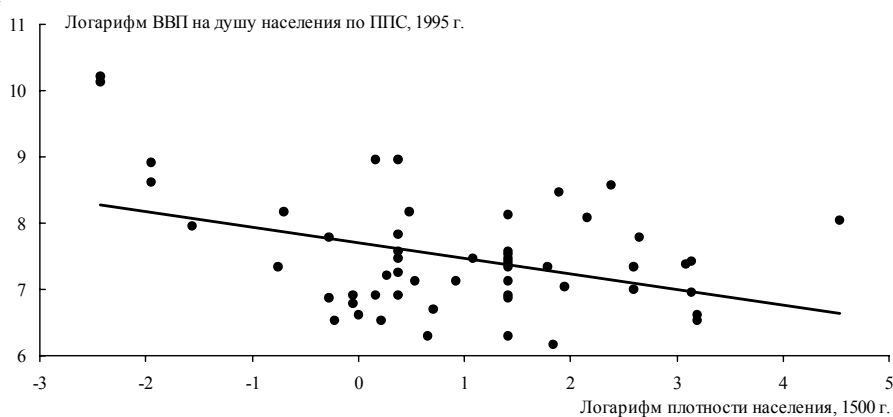
Кроме того, совершенно очевидно, что британцы никоим образом не воссоздавали в колониях британские институты. Например, к 1619 г. в североамериканской колонии Вирджиния уже существовали представительное собрание и всеобщее избирательное право мужчин, то есть то, чего не было в самой Великобритании вплоть до 1919 г. Другой красноречивый пример представлен в работах Newton (1914) и Kurzman (1993), где показано, что пуританская колония на острове Провиденс в Карибском море быстро стала точно такой же, как и любая другая карибская рабовладельческая колония, несмотря на пуританское прошлое. Хотя ни одна испанская колония не достигла таких же экономических успехов, как британские колонии, например Соединенные Штаты, важно отметить, что и Великобритания имела достаточно менее успешных колоний (с точки зрения уровня доходов на душу населения) в Африке и Азии (например, Индия и Бангладеш) (см. Acemoglu, Johnson, and Robinson (2004)).

Чтобы убедиться в том, что культура или религия страны-колонизатора не были основными причинами различного экономического функционирования колоний, рассмотрим рис. 16, который показывает изменение благосостояния в британских колониях (плотность населения в 1500 г. изображена по горизонтальной оси). Так же, как на рис. 6, здесь существует сильная отрицательная взаимосвязь между плотностью населения в 1500 г. и сегодняшним уровнем доходов на душу населения.

Рис. 16. Логарифм плотности населения в 1500 г. и логарифм ВВП на душу населения в 1995 г. в бывших британских колониях

Что касается роли европейцев, то в настоящее время двумя богатейшими странами мира являются Сингапур и Гонконг, несмотря на то что количество выходцев из Европы незначительно. Более того, Аргентина и Уругвай имеют более высокий удельный вес населения с европейскими корнями по сравнению с Соединенными Штатами и Канадой, однако являются гораздо менее богатыми. В дополнение на рис. 17 изображено изменение благосостояния в странах, где количество выходцев из Европы в 1975 г. не превышало 5% населения.

Рис. 17. Логарифм плотности населения в 1500 г. и логарифм ВВП на душу населения в 1995 г. в бывших европейских колониях, где сегодня количество выходцев из Европы не превышает 5% населения

В целом, факты не подтверждают ключевой роли географического положения, религии или культуры, передаваемых посредством достижения идентичности условий страны-колонизатора или присутствия европейцев. Напротив, различия экономических институтов, по-видимому, являются основным каузальным фактором, лежащим в основе различий в уровне доходов на душу населения между странами. По этой причине институты являются фундаментальной причиной различий в уровне доходов и темпах долгосрочного экономического роста.

Окончание в следующем номере.

Перевод Юрия Валевича